

Вячеслав Долгов

ЗЕРНО ИСТИНЫ

Вячеслав Долгов

Зерно истины

«Автор»

2026

Долгов В.

Зерно истины / В. Долгов — «Автор», 2026

Будущее которое возможно застанет еще наше поколение, в нем люди имеют за ухом устройство с размером рисового зернышка, который может воздействовать на мозг и записывать и воспроизводить воспоминания столь детально насколько это возможно. Но наш главный герой, следователь Лидия Корн, как раз старой закалки и она пользуется исключительно тем, что подарила ей природа.

Вячеслав Долгов

Зерно истины

Глава I. Ужин, которого не было

Лидия Павловна Корн не любила ранних вызовов.

Не потому, что плохо спала – спала она превосходно, ровно семь часов, без снов и без будильника, привычка, выработанная тридцатью годами следственной работы. И не потому, что утренний кофе был ей дороже чужой смерти – хотя, положив руку на сердце, хороший кофе она ценила высоко. Дело было в свете. Утренний свет, особенно ранний, предрассветный, обладал скверным свойством: он делал вещи красивее, чем они были. Смягчал углы, золотил пыль, превращал обычный загородный дом в декорацию из журнала. А Лидии Павловне нужна была правда, не декорации.

Впрочем, в шесть утра двадцать третьего октября выбора ей не оставили.

– Ранцев, – сказал по телефону дежурный, и этого было достаточно.

Глеб Олегович Ранцев. Основатель корпорации «Мнемосина». Человек, который подарил миру идеальную память, – по крайней мере, так гласил слоган на каждой второй рекламной панели в городе. Шестидесят один год, миллиардер, филантроп, почётный доктор четырёх университетов. Найден мёртвым в собственном загородном доме. Предварительная причина смерти – отравление нейротоксином. Накануне вечером давал ужин. Шесть гостей. Все задержаны.

Лидия оделась – серый костюм, удобные туфли, никаких украшений, – взяла блокнот и вышла к машине. Помощник ждал у подъезда: Дима Касатонов, двадцать восемь лет, выпускник академии, глаза горят, уши торчат, за правым ухом – едва заметный бугорок МнемоЧипа. Как у всех. Как у всех, кроме неё.

– Лидия Павловна, – начал он, открывая дверцу, – я уже загрузил предварительный отчёт, все материалы в облаке, можете...

– В блокноте, Дима. – Она села на заднее сиденье и достала карандаш. – Рассказывай устно.

Он моргнул – всё ещё не привык. Три месяца работает с ней, а всё ещё моргает каждый раз, когда она отказывается от цифрового. Впрочем, моргал он всё реже. Может быть, научится.

– Глеб Ранцев, шестидесят один год. Вчера вечером – ужин в загородной резиденции, озеро Светлое. Семь человек, включая хозяина. Ужин начался в девятнадцать ноль-ноль, закончился около двадцати двух. Ранцев проводил гостей в гостиную, сам остался в столовой. Жена нашла его в двадцать три сорок – без сознания, на полу. Скорая зафиксировала смерть в ноль часов двенадцать минут. Токсикология – нейротоксин пептидной группы, точный состав устанавливается. Все гости оставались в доме – дороги перекрыли автоматически, система безопасности заблокировала выезды. Их МнемоЧипы изъяты для анализа.

– Чип самого Ранцева?

– Повреждён. Последняя запись обрывается за два часа до ужина. Техники говорят – аппаратный сбой. Возможно, случайный.

– Возможно, – повторила Лидия Павловна. Она написала в блокноте: «Чип Р. – 2 часа до. Случайно?» и подчеркнула вопросительный знак дважды.

Дом Ранцева стоял на берегу озера Светлое – в тридцати километрах от города, за лесом, за поворотом, за шлагбаумом с голографическим гербом «Мнемосины» (раскрытый глаз, обрамлённый лавровым венком – символика, которую Лидия Павловна всегда находила нескромной).

Дом был красив – той продуманной, дорогостоящей красотой, которая говорит не «посмотрите, как я богат», а «посмотрите, как тонок мой вкус». Стекло и светлое дерево, два

этажа, плавные линии. Стеклопанная стена гостинной выходила на озеро, и в утреннем свете – том самом, предательски красивом – вода казалась расплавленным серебром.

Лидия Павловна прошла мимо полицейских дронов, мимо техников в белых перчатках, мимо голографической ленты оцепления, и вошла в столовую.

Стол не убрали. Семь приборов – тонкий фарфор, серебряные вилки, хрустальные бокалы. Три бокала недопиты: в одном – белое вино, уже начавшее желтеть; в двух – красное, загустевшее. Тарелки с остатками десерта – тёмный шоколад, малина, крем. Свечи в серебряных подсвечниках – догоревшие до основания, воск застыл на скатерти белыми каплями.

И – в самом центре стола – маленькая вещица, которую Лидия Павловна заметила сразу, потому что она была единственным предметом, не вписывавшимся в безупречную сервировку. Хрустальная солонка в форме зерна. Не фабричная – авторская работа, огранённая вручную. Грани ловили свет и разбивали его на радуги. Красивая, изящная. И почему-то тревожная.

Лидия Павловна наклонилась над столом, не касаясь. Понюхала бокалы – привычка, над которой смеялись коллеги. «У нас есть спектрометры, Лидия Павловна.» У них были спектрометры. У неё был нос и тридцать лет практики.

– Дима, – сказала она. – Эта солонка – чья?

– Сейчас уточню. – Он прикоснулся к виску – жест, который люди с чипами делали автоматически, обращаясь к базе данных. – Подарок. От Вениамина Серова, друга семьи. Подарена Ранцеву на прошлый день рождения. Называется... – он нахмурился, – «Зерно истины».

– Хм, – сказала Лидия Павловна и записала в блокнот: «Солонка – "зерно истины". Серов. Центр стола.»

Она обошла стол. Семь стульев. Один – во главе – отодвинут, скатерть смята: здесь сидел Ранцев, здесь он упал. Остальные шесть – на своих местах. Она присела, посмотрела на стол с уровня глаз сидящего. Солонка – точно в центре. Каждый гость видел её. Каждый гость сидел от неё на расстоянии вытянутой руки.

Техник из мнемоотдела – молодая женщина с коротко стриженными волосами и выражением хронического недосыпа – ждала её в кабинете Ранцева, превращённом во временную лабораторию. На столе лежали шесть капсул – извлечённые МнемоЧипы гостей, каждый в прозрачном контейнере с маркировкой.

– Лидия Павловна, – сказала техник, – результаты предварительного анализа.

– Слушаю.

– Все шесть чипов функционируют нормально. Квантовые подписи подлинные. Записи не повреждены, не отредактированы, не стёрты. Ни одного «шва».

– И?

Техник замялась.

– Они совпадают.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах. Записи всех шести чипов за период ужина – с девятнадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль – идентичны. Не похожи, не совпадают с допустимым дрейфом. Идентичны. До последнего блика на бокале. До последней тени на скатерти. До миллисекунды.

Лидия Павловна молчала.

– Это невозможно, – сказала техник. – Перцептивный дрейф – неизбежная характеристика МнемоЧипа. Каждый мозг обрабатывает сигнал по-своему. Два человека, сидящие рядом и смотрящие на один предмет, запишут слегка разные картинку. Внимание, эмоции, усталость, даже уровень сахара в крови – всё влияет. Разброс – от двух до пяти процентов. Здесь – ноль. Абсолютный ноль.

– То есть либо все шестеро видели одно и то же с точностью до атома...

– ...что физически невозможно...

– ...либо они видели не реальность, а что-то другое, – закончила Лидия Павловна.

Она записала в блокнот: «6 чипов = 1 запись. Кто-то подменил входящий сигнал. Кто? Как? Зачем?»

И ниже, после паузы: «Ранцев без чипа за 2 часа до. Совпадение?»

Она закрыла блокнот. Посмотрела на шесть капсул на столе – шесть крошечных зёрен, в каждом – вечер, который, возможно, никогда не существовал.

– Где гости? – спросила она.

– В гостиной. Под наблюдением.

– Хорошо. – Лидия Павловна встала, поправила пиджак, убрала карандаш за ухо – правое, то самое, за которым у всех остальных людей на планете прятался чип. У неё там не было ничего, кроме карандаша.

– Начнём, пожалуй, с господина Серова. Человек, который дарит солонки с философскими названиями, обычно знает больше, чем говорит.

Глава II. Шесть зеркал

Однако начала она не с Серова.

Это было правилом Лидии Павловны – маленьким, никем не записанным правилом, которым она не делилась ни с начальством, ни с помощниками: никогда не начинай с самого интересного подозреваемого. Начни со скучных. Скучные расскажут тебе контекст, а интересный – историю. Контекст должен быть первым.

Допросная была импровизированной – библиотека Ранцева на втором этаже. Книжные полки (настоящие книги – бумажные, в кожаных переплётах; видимо, Ранцев тоже питал слабость к архаике), два кресла, столик между ними. Дима устроился в углу с планшетом. Лидия Павловна – в кресле, с блокнотом на колене.

Марина Ранцева вошла первой.

Пятьдесят лет, но выглядела на сорок – та разновидность ухоженной красоты, которая требует ежедневного труда и значительных вложений. Светлые волосы убраны в узел. Платье тёмно-синее, дорогое, без складок – как будто она гладила его перед допросом. Руки – на коленях, пальцы сцеплены. Глаза – холодные и сухие.

– Марина Андреевна, – начала Лидия Павловна, – расскажите, пожалуйста, о вчерашнем вечере. Своими словами.

Марина рассказала. Ровно, спокойно, без пауз – как читают хорошо заученный текст. Ужин начался в семь. Глеб был в хорошем настроении. Говорили о пустяках – выставка в галерее Серова, планы на Рождество, новая линейка чипов. Десерт подали в девять. В десять гости перешли в гостиную. Глеб остался убрать – он любил убирать сам, старая привычка. В половине двенадцатого Марина пошла проверить – и нашла его на полу.

Каждое слово совпадало с записью чипа. Каждая деталь. Каждая минута.

– Вы не плачете, – заметила Лидия Павловна. Не вопрос – наблюдение.

Марина подняла глаза.

– Я заплакала всё ещё при жизни, – сказала она. – Когда человек тридцать лет женат на своей работе, жене остаётся только привыкнуть к вдовству заранее.

Лидия Павловна записала: «М. Р. – спокойна. Слишком?»

Кирилл Нагорный – технический директор «Мнемосины» – был полной противоположностью Марины: нервный, подвижный, говорил быстро, жестикулировал. Тридцать восемь лет, острое лицо, залысины, которые он пытался скрыть, зачёсывая волосы набок.

– Ужин как ужин, – сказал он. – Глеб Олегович приглашал раз в квартал. Обсуждали стратегию, в неформальной обстановке. Ничего необычного.

– Ничего?

– Ну, – Нагорный замялся, – Артём был. Сын. Это всех удивило. Они ведь не общались уже два года. С тех пор как он... ну, вы знаете.

– Присоединился к «Чистому разуму», – подсказала Лидия Павловна.

– Да. Публично отрёкся от отца на весь интернет. И вдруг – приходит на ужин. Глеб Олегович выглядел... я бы сказал, напряжённым. Хотя пытался это скрыть.

– А вы, Кирилл Андреевич? Вы тоже выглядели напряжённым?

Нагорный моргнул.

– Я? Нет. С чего бы?

Лидия Павловна записала: «Нагорный – нервничает. Почему? Амбиции? Или знает что-то?»

Артём Ранцев – двадцать четыре года, худой, бледный, с тёмными кругами под глазами и бритой головой. На запястье – татуировка: перечёркнутый глаз – символ «Чистого разума», движения против МнемоЧипов. Чипа у него не было – удалил три года назад. Его запись отсутствовала.

– Зачем вы пришли на ужин? – спросила Лидия Павловна.

– Отец пригласил.

– Вы не общались два года.

– Он написал: «Приходи. Мне нужно сказать тебе кое-что важное». Я подумал... – он замолчал, сжал кулаки и после, закрыв глаза на несколько мгновений, разжал их. – Я подумал, может, он наконец решил признать.

– Признать что?

– Что чипы – это яд. Что он сломал людям мозги ради прибыли. Что «Мнемосина» – не подарок человечеству, а тюрьма, в которой надзирателем работает твоя собственная память.

– Сильно сказано.

– Это правда.

– И он признал?

Артём опустил голову.

– Мы не успели поговорить наедине. Он весь вечер... вёл себя как обычно. Улыбался, шутил. Как будто ничего не происходит. А потом я ушёл в гостиную с остальными, и...

– И что?

Молчание.

– И он умер.

Лидия Павловна записала: «Артём – без чипа. Нет записи. Единственный, кто мог видеть что-то ДРУГОЕ. Что именно он хотел сказать отцу? Или – что отец хотел сказать ему?»

Вениамин Аркадьевич Серов вошёл последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.